

Изменчивая неизменность психоаналитического кадра

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В статье рассматриваются классический и квантовый подходы к исследованию кадра в психоанализе. Вводится понятие микрокадра, описывающего то, что происходит на границах психоаналитической сессии. Автор исследует всегда существующую временную и пространственную турбулентность внутри микрокадра, в частности непрерывное изменение физической дистанции между пациентом и аналитиком. Рассматривается процесс перехода от одного микрокадра к другому при завершении сессии с одним пациентом и начале работы со следующим.

Описывается дву-смысленность психоаналитического кадра, его классическая и квантовая суть – две неизбежно конфликтующие и вызывающие турбулентность в микрокадре, но совершенно неразрывные составляющие психоаналитического кадра, обеспечивающие развитие психоаналитического процесса. В психоаналитическом процессе кадр неизбежно становится квантовым изменчивым иным, но одновременно остается классическим и неизменным, важнейшей константой анализа. Автор утверждает, что психоанализ может состояться, только если в ходе психоаналитического процесса кадр будет терять свою классическую неизменную суть и обретать для аналитика живую и конфликтную дву-смысленную «кожу». В статье анализируется внутренний кадр аналитика, базирующийся на постэдиповом принятии первосцены, позволяющем аналитику отслеживать изменения в микрокадре. Последнее способствует поддержанию и сохранению внешнего кадра психоаналитического процесса. Сохранение постэдиповой аналитической позиции критически важно, так как без проработки одновременно существующих отцовских и материнских компонентов интерпереноса проблему сохранения и поддержания кадра не разрешить.

Ключевые слова: психоанализ, квантовый психоанализ, психоаналитический процесс, кадр, сеттинг, микрокадр, микросеттинг, внутренний кадр, внешний кадр, время, пространство, перенос, контрперенос, интерперенос, первосцена, постэдипово Сверх-Я, отыгрывание, микроотыгрывание.

*«Искусство состоит из ограничений.
Самая красивая часть всех фотографий – это рамка».*
Гилберт К. Честертон

1. Психоаналитический кадр – неизменная константа?

В одной из своих статей (Россохин, 2020) я разбирал чань-буддийское изречение: «Когда я еще не начал изучать чань, горы были горами, а реки – реками; когда я начал изучать чань, горы перестали быть горами, а реки – реками; когда я постиг чань, горы снова стали горами, а реки – реками» (Абаев, 1989, с. 94).

Используя это чаньское изречение применительно к проблеме кадра, я мог бы сказать, что, до того как начался анализ, кадр был неизменным кадром (теоретическим концептом). После того как был запущен психоаналитический процесс, кадр перестал быть тем самым неизменным кадром, постепенно обретая живую аналитическую плоть и кровь. После завершения анализа кадр снова стал неизменным кадром. Кадр остается прежним, меняется лишь состояние пациента и аналитика.

Психоаналитический процесс приводит к измененным состояниям сознания у аналитика и пациента (перенос и контрперенос), изнутри которых «горы перестают быть горами», кадр перестает быть стабильным, пациент (иногда и аналитик) ощущает необходимость его изменения, например: увеличения или уменьшения времени сеанса, количества сессий, отказа от оплаты пропущенных сеансов, перехода к работе лицом к лицу и др. Мы все хорошо знаем, насколько важно в таких ситуациях сохранять кадр надежным и неизменным, выдерживая атаки на кадр и используя их для лучшего понимания бессознательного, ожившего в психоаналитическом кабинете. Только сохранение кадра, тщательный анализ и проработка видимых попыток его изменения может обеспечить надежное развитие психоаналитического процесса. Чтобы путешествовать в горах (процесс), нам нужно быть уверенными, что горы стабильны и неизменны (кадр). Горы должны остаться горами, чтобы чань-буддист мог пребывать в своем медитативном путешествии и быть способным вернуться в реальность.

Классический (неквантовый) взгляд описывает кадр как нечто настолько же стабильное и неизменное, как горы, что и представляется важнейшим необходимым условием для совершения трудного психоаналитического путешествия (*Khan, 1960; Green, 1974; Israël, 1984; Puget, 2006*). Жозе Блэгер описывает кадр как «не-процесс», который состоит из констант, внутри которых происходит сам психоаналитический процесс (*Bleger, 1979*). Изначально кадр устанавливается аналитиком, и пациент должен его принять, чтобы аналитический процесс начался. Любые попытки изменения кадра со стороны пациента рассматриваются как атаки на кадр и на психоаналитический процесс, проявление сопротивления пациента, связанного с тем или иным развивающимся в ходе анализа переносом. Задачей аналитика становится прояснение скрытого смысла этих нарушений кадра и их проработка с целью сохранения кадра как

необходимого условия для продолжения совместной работы (*Quagelli, Solano, 2016; Geltner, 2019*).

Это совершенно ясное и бесспорное понимание функции кадра в классическом психоанализе «взрывается», когда мы переходим к квантовому взгляду на психоаналитический процесс (Россохин, 2010, 2020). Возможно ли «упаковать» квантовую волну бессознательного процесса в строгий классический кадр? Так ли неизменны даже горы с квантовой точки зрения?

«В классическом мире из какого бы нашего состояния мы ни смотрели на древние горы, они бы и не шелохнулись. Даже если бы в нашем восприятии они сюрреалистически расплылись или кубистически выстроились, в объективной реальности ничего бы не изменилось.

Однако в квантовом мире это не так. Горы всегда пребывают в ином состоянии, чем мы полагаем. Они всегда *Иные, квантово волновые*. Любое наше наблюдение за ними, будучи инструментом классического мира, схлопывает это их квантовое *Иное* до, как нам кажется, знакомого нам, предельно стабильного и неизменного, объективного состояния. Но каждое такое схлопывание рождает *иное* состояние гор. Каждая новая классическая проекция квантового состояния представляет собой *иное*, а не возвращение к прежнему. Очевидно, что как волновая природа гор, так и их квантовая изменчивость под нашим взглядом бесконечно малы, но все-таки они никогда не равны нулю. То есть даже горы под нашим взглядом становятся *иными*, переходя из одного классического состояния в иное.

Приобретая в ходе "чаньского" процесса иной квантовый опыт интерсознания, монах навсегда сохраняет "дву-смысленное", классическое и квантовое, восприятие обеих реальностей. До того как он начал изучать чань, мир был классическим, стабильным и понятным. После того как он начал изучать чань, мир стал иным, квантовым и неизвестным. После того как он постиг чань, он обрел понимание дву-смысленности мира и себя самого. Мир и он сам продолжили быть квантовым *Иным*, и одновременно остались классическим и неизменным. В этом смысле и сам монах остался в классическом измерении самим собой, сохраняя свою идентичность, но одновременно обрел контакт с собой *Иным* в квантовом мире.

Аналогично до того, как начался анализ, пациент был собой, аналитик был собой. После того как они начали анализ, пациент перестал быть собой и аналитик перестал быть собой (игра переноса и контрпереноса). После того как они завершили анализ и произошло полное разрешение невроза переноса, пациент стал другим, а аналитик снова стал собой (горы снова стали горами).

Обоим участникам психоаналитического процесса нужно потерять свою классическую идентичность, чтобы обрести новую дву-смысленную (классическую и квантовую) идентичность – оставаться знакомым, понятным, стабильным Я и одновременно сохранять свою изменчивую и развивающуюся *квантовую идентичность*, свое квантовое Я (интерсознание). Развитие способности оставаться одновременно классическим *Собой* и квантовым *Иным*, *сохраняя и развивая дву-смысленную идентичность*:

классическую и квантовую, – возможно, это одна из главных задач психоанализа» (Россохин, 2020, с. 50).

С точки зрения квантового психоанализа стабильность кадра представляет собой такую же иллюзию, как и стабильность и неизменность гор. Что же это за квантовое *Иное* так хорошо нам известной главной константы психоанализа?

Даже при ближайшем рассмотрении никакой стабильности и неизменности психоаналитического кадра не существует и никогда не было ни в одном психоаналитическом процессе за всю более чем столетнюю историю психоанализа. Давайте повнимательнее рассмотрим, что происходит с кадром в анализе. Для этого я введу понятие **микрокадра**, который в отличие от видимых и осознанных аспектов кадра, как правило, остается невидимым и бессознательным. Фактически речь идет о том, что происходит на самых границах кадра.

Важнейшими составляющими психоаналитического кадра являются время и физическое пространство сеанса.

2. Время в микрокадре

Во французском психоанализе сеанс длится 45 минут. Представим себе, что время сеанса с пациентом у аналитика с 12:00 до 12:45. Понятно, что если сеанс начинается в 12:05 или заканчивается в 12:50, то это становится достаточно видимым нарушением кадра. В случае если изменение времени составит, например, 10 и более минут, то не увидеть этого будет достаточно сложно даже для аналитика в сильном контрпереносе.

Точное соблюдение кадра требует начала и завершения сеанса строго по гринвичскому времени. На это способен только робот или, как сейчас модно говорить, искусственный интеллект, и вряд ли каждый из нас хотел бы им быть в процессе своей работы с пациентом. Так что происходит на границах кадра? Иногда мы начинаем в 11:59 или 12:01 и завершаем сеанс в 12:44 или в 12:46. Эти 4 минуты на границах точного времени кадра и есть временная составляющая микрокадра.

Стремлюсь ли я всеми силами начать сеанс и закончить его в абсолютно точное время? Если это так, то вместо того, чтобы слушать пациента, мое внимание будет постоянно направлено на контроль времени. Почему так происходит? Если я завершил этот сеанс в 12:46, означает ли это, что все следующие сеансы будут завершены в 12:46? Что происходит со временем в микрокадре? Какие изменения во времени микрокадра происходят от сеанса к сеансу? Стремится ли пациент позвонить в домофон немного раньше – так, чтобы войти в кабинет на 1 минуту или даже на 30 секунд раньше начала сеанса? Делает ли он что-то, чтобы продлить время сеанса на 1 минуту? Происходит ли это регулярно от сессии к сессии? Или это аналитик регулярно завершает сеанс в промежутке от 12:46 до 12:47? Почему? Откуда прорастает это *микроотыгрывание* внутри сессии? Внимание к игре времени внутри микрокадра позволит аналитику обнаружить невидимые аспекты переноса пациента или собственного

контрпереноса. Как часто я смотрю на часы? Растет ли мое напряжение ближе к 12:45? Что я чувствую в теле?

Как я проживаю эту неизбежную турбулентность на самых границах кадра? Не замечаю ее совсем? Не обращаю внимания? Доволен собой, что я в точности соблюдаю кадр? Означает ли это, что в этом случае нет турбулентности?

Мы хорошо знаем, что важно обращать внимание на *видимые* изменения кадра, которые заставляют нас их заметить, задуматься, проанализировать, пытаться понять, что происходит. Но не прорастают ли они из невидимых или даже из тех изменений, на которые мы не обращаем никакого внимания в силу их малости?

Как бы мы ни старались сохранить кадр и быть «настоящими» психоаналитиками, никакого неизменного кадра не существует, как не существует и времени окончания сеанса в 12:45. Если у нас не установлен будильник, оповещающий о наступлении 12:45 по Гринвичу, то сеанс закончится или в 12:44 и 45 секунд, или в 12:45 и 20 секунд или т. п.

Даже в случае стремления аналитика использовать, например, вибросигнал в 12:45 это не решит проблему микрокадра. Допустим, аналитик слышит этот сигнал ровно в 12:45. Насколько мгновенно он произносит фразу о завершении сеанса? Что побуждает его прервать пациента на полуслове ради соблюдения кадра? Или он ждет, когда пациент завершит предложение? Как долго? Это все и представляет собой временную динамику микрокадра.

С квантовой точки зрения анализ представляет собой волнообразный процесс, как правило, с сознательными гребнями во время сеансов и хвостами бессознательного в промежутках между ними. Прорывы сознательной составляющей этой волны часто происходят и вне аналитических сессий – как у пациента, так и у аналитика. Но в любом случае сознательная компонента волны – это не более чем самая верхушка психического айсберга, оставшаяся бесконечная часть которого принципиально бессознательная.

Что происходит с волной переноса-контрпереноса, а точнее, с волной интерпереноса (Россохин, 2020) на временных границах сессии? Куда она исчезает? Как на нее влияет прохождение обеих границ – начала сессии и ее завершения? Она плавно продолжает свое течение во время и пространство вне сеанса или на границах возникают едва заметное бурление, микроводовороты, встречные потоки? Продолжаются ли они незаметно для пациента и аналитика за пределами сеанса?

Эти инерттрансферентные хвосты могут быть видимыми, когда они вносят значительную турбулентность в кадр, и могут стать серьезным, а в случае «негативной терапевтической реакции» даже непреодолимым препятствием для продолжения работы. Но не являются ли они следствием тех незаметных процессов в микрокадре, увидев которые и начав их осмысление на этом микроэтапе развития психоаналитического процесса аналитик имел бы возможность предотвратить тяжелые последствия некоторых внезапных отыгрываний с обеих сторон?

Как правило, мы не обращаем внимание на происходящее внутри микрокадра. При условии что это напряжение на границах не выплескивается за пределы микрокадра, это считается достаточно хорошим соблюдением сеттинга. Но турбулентность есть всегда, так как это переход (схлопывание) волнообразного квантового процесса, происходящего на сессии, в корпускулярный классический процесс, в котором анализ представляет собой линейный процесс, протекающий от сессии к сессии.

3. Пространство в микрокадре

Мы можем ясно ощутить это схлопывание квантового процесса на границах кадра, когда поставим себя на место пациента (или аналитика), сталкивающегося с физической реальностью второго участника анализа в момент начала сеанса и в момент его окончания, когда пациент встает с кушетки. До этого момента, пребывая в квантовом интертрансферентном процессе, каждый из них в той или иной мере сознательно, но преимущественно бессознательно коммуницировал с совершенно иным, психически квантовым объектом. Какое «землетрясение» вызывает встреча с реальностью Другого? Как она влияет на возвращение в квантовый процесс анализа? Что с ним происходит в момент новой встречи с Другим в момент завершения сессии? Если анализ состоялся, то нелинейный и многомерный квантовый аналитический процесс продолжается непрерывно, микросхлопываясь только на границах кадра в моменты встречи с реальностью Другого.

Не поэтому ли так опасны случайные или преднамеренные встречи аналитика и пациента вне микрокадра? Внезапное столкновение на улице, неожиданно увиденное интервью на просторах интернета или по телевизору, встреча на конференции, семинаре и т. п. Даже разговор по телефону, практикуемый некоторыми психотерапевтами, приводит к новому схлопыванию квантового процесса до классического измерения. Видимо, поэтому пациенты, находясь в глубоком психоаналитическом процессе, избегают смотреть на аналитика, входя в кабинет и выходя из него и стремясь сохранить его квантовый трансферентный образ. Это, конечно, может быть как хорошим знаком, так и признаком сопротивления. Для понимания того, почему это происходит, нам необходимо внимание к микрокадру.

Но как мы сами проживаем эти схлопывания? Если для меня в этом нет ни малейшей проблемы, то, скорее всего, или аналитический процесс так и не начался или я полностью вытесняю переживания на границах кадра. Смотрю ли я на пациента? Как я на него смотрю? Как долго я на него смотрю? Насколько велико мое желание отвести от него взгляд? Ощущаю ли я некоторую встряску от встречи с его физической реальностью? Как все эти переживания меняются от сеанса к сеансу? Это только самая малая часть вопросов, которые может задавать себе рефлексивное психоаналитическое Я, внимательное к своим переживаниям в микрокадре.

Пространственная организация анализа представляет собой важнейшую часть кадра, которая не менее часто подвергается атакам со стороны

пациента, например, в виде требования перехода на кресло и работы лицом к лицу, желания пациента встать с кушетки и походить по кабинету, снять обувь, просьбы дать плед и т. п. Все это представляет собой различные варианты удовлетворения скрытого часто полностью неосознанного желания изменения физической и, соответственно, психологической дистанции между аналитиком и пациентом или с целью ее уменьшить для обретения большей близости, или увеличить в случае ощущения опасности.

Обычно мы обращаем внимание на то, насколько долго пациент задерживается у двери, ведущей на лестничную клетку. Насколько долго он одевается, наматывает шарф, надевает шапку, вешает сумку то на одно, то на другое плечо. Или, напротив, стремительно выскакивает и захлопывает за собой дверь. Это явные и видимые проявления на границах кадра.

Но как схлопывание квантовой аналитической волны влияет на то, что происходит в физическом пространстве микрокадра? Аналитик объявляет о завершении сеанса. Что происходит дальше? Кто встает первым? Всегда ли так происходит? Начинаем ли мы физически напрягаться и, возможно, даже немного приподниматься на кресле? За какое время до 12:45? Что происходит в этом временном зазоре, между моментом, когда пациент встает с кушетки, и моментом, когда он выходит за дверь?

Возможно, наиболее ясно мы можем увидеть пространственные изменения в микрокадре, понаблюдав за физической дистанцией между собой и пациентом. Это один из самых, казалось бы, невидимых инструментов для «измерения» турбулентности в микрокадре.

На каком расстоянии от него мы встречаем пациента? Оно всегда одинаковое или меняется от сессии к сессии? Когда пациент проходит к кушетке, мы уже сидим в кресле или стоим? На каком расстоянии от нас он проходит? Какие чувства это вызывает у нас? Как изменяется это расстояние в ходе процесса? Кто первый встает, когда сессия заканчивается? Это всегда именно так? На каком расстоянии от вас проходит пациент, направляясь к выходу из кабинета? Он идет уверенно по прямой или обходит нас по кругу? А нам самим как хотелось бы, чтобы он прошел? Ощущаю ли я напряжение и еле заметный рост тревоги, когда он лишь чуть-чуть больше приближается ко мне, чем обычно? Что я чувствую, когда эта дистанция между нами совсем немного увеличивается? Невидимые бессознательные процессы могут по крайней мере немного подсветиться, если мы обратим внимание на происходящее в микрокадре.

Пребывать в уверенности в том, что психоаналитический кадр можно сохранить в неизменности, это примерно то же самое, что верить, что возможно всегда сохранять одну и ту же дистанцию между аналитиком и пациентом, всегда начинать в 12:00 и заканчивать ровно в 12:45. Как и со временем, так и с пространством в микрокадре необходимо не стремиться сохранять некую заданную теорией константу, а быть максимально чувствительным к турбулентности в микрокадре вокруг нее. Это как в детской игре «холодно-горячо», но с небольшими коррекциями в правилах игры. Тут, наоборот, чем горячее (например, в случае скрытого эротического переноса), тем больше нужно совсем немного, но двинуться

в противоположном направлении – чуть увеличить дистанцию. Если «холодно» (например, в случае скрытого агрессивного переноса), то нужно совсем немного двинуться навстречу физически и психически-эмпатически. Чем раньше мы сможем почувствовать, что временные или пространственные изменения в микрокадре сигнализируют нам о том, что становится чуть более «горячо» или «холодно», тем быстрее мы сможем начать лучше понимать бессознательный процесс между нами, не доводя дело до очевидных отыгрываний.

4. Между двумя микрокадрами

Завершая сессию с одним пациентом, мы или сразу (как часто во Франции), или через небольшой перерыв открываем дверь другому пациенту. Если оба пациента в анализе, то на первый взгляд у обоих аналитических процессов один и тот же кадр. Это успокаивает нас, словно гарантируя плавный переход от одного процесса к другому.

Так ли это? Если мы говорим о кадре как о теоретической концепции, то, вне всякого сомнения, кадр в обоих процессах одинаков. Когда же речь идет о двух совершенно различных психоаналитических процессах с двумя разными пациентами, то мы оказываемся между двумя совершенно отличными друг от друга микрокадрами.

Как ожидание следующего пациента влияет на завершение сессии с предыдущим? Как завершение сессии с одним пациентом влияет на начало сессии с другим? Я встречаю и провожаю их обоих одинаково? В чем отличие? Я мгновенно забываю о прошедшей сессии и переключаюсь на следующую? Как долго и как именно продолжает жить анализ с первым пациентом на сессии со вторым? Как изменение физической дистанции в первом микрокадре искривляет физическое пространство во втором микрокадре? Как ожидание второго пациента изменяет дистанцию с первым?

Нам всем хорошо известно, что кадр защищает как пациента, так и аналитика (*Quinodoz, 1992; Defontaine, 1991*). Даже в классическом линейном измерении мы хорошо понимаем, что, завершая эмоционально заряженную сессию с пациентом, мы неизбежно в той или иной степени переносим это напряжение в сессию с другим пациентом. Но если сессия прошла достаточно спокойно, у нас есть уверенность, что, закрыв двери за пациентом, мы оставили его процесс по ту сторону нашего кабинета, и теперь мы совершенно открыты для сессии со следующим пациентом.

Классическое измерение рисует нам следующую картину. Аналитик работает с одним пациентом 45 минут. Это время, как он считает, полностью принадлежит этому пациенту. Дальше к нему приходит другой пациент, и ему аналитик уделяет другие 45 минут. Когда он завершает все свои сеансы, то наступает его личное время, полностью свободное от его пациентов. Если это не так и он не может выйти из своей работы и переключиться на свою личную жизнь, то тогда ему нужны супервизии или даже дополнительный личный анализ.

Это действительно так?

Представим, что этот анализ проходит не на одной-единственной психической сцене, а на множестве сцен в многомерном нелинейном квантовом психоаналитическом театре. На каждой такой сцене идет свой собственный спектакль, где-то драма, где-то комедия, трагедия, мелодрама, клоунада, цирк и т. п. У каждого спектакля есть свой собственный кадр – фиксированная продолжительность действия той или иной части, антракты, перерывы, время окончания, начала следующего представления. На центральной ярко освещенной и хорошо видимой нам сцене мы закрываем дверь за пациентом, но на бесчисленном количестве остальных сцен, связанных с этим пациентом, действие не только не заканчивается, а может усиливаться в связи с завершением сессии в реальном мире.

С квантовой точки зрения, если мы начали работать с этим конкретным пациентом, то он неизбежно становится *присутствующим* во всей нашей жизни – не только профессиональной, но и личной. Этот пациент и его аналитический процесс будут продолжать присутствовать в нашей жизни и после завершения анализа, конечно, в форме незаметных квантовых хвостов, но иногда внезапно напоминая о себе гребнем, когда при слушании через много лет очередного пациента на нашей с ним психической сцене внезапно откуда ни возьмись появится тот самый прежний пациент в виде воспоминания о его сновидении или о том или ином материале из его анализа.

Ранее я писал, что квантовая волна интерпереноса живет и развивается одновременно в самых различных состояниях на бесконечных психических сценах. Небольшая часть из этих последних отражает взаимодействие гребня интерсознания аналитика и хвоста интерсознания пациента. Тогда на этих сценах у аналитика существует устойчивое ощущение (вместе с тем являющееся иллюзией), что он живет своей жизнью, полностью независимой от пациента. Аналогично на сценах, где доминирует гребень интерсознания пациента, такое же ощущение есть и у пациента. На всех остальных бесконечных психических сценах с различными взаимодействиями многомерных нелинейных волн двух интерсознаний возникают совершенно различные перипетии интерсуперпозиции интерпереноса – волны сталкиваются гребнями, рождают водовороты и вихри, поглощают, усиливают друг друга, создавая самые причудливые волновые спектакли. И все это одновременно, хотя и с разной вероятностью.

Квантовая волна интерпереноса может максимально пробуждаться, активизироваться и пульсировать в ходе сессии, отходя за кулисы между сессиями. Но она никогда не исчезает из психического мира обоих участников процесса. В другие моменты она, напротив, может мощно проявить свою активность вне аналитического кабинета, сохраняя пассивность внутри его, – тогда мы называем это отыгрыванием (пациента или аналитика) вовне (Steiner, 2006).

В квантовом измерении нелинейный и многомерный волнообразный психоаналитический процесс с одним пациентом происходит одновременно с процессами с другими пациентами. Очевидно, что это не параллельные вселенные, никак не влияющие друг на друга. Эти различные процессы сталкиваются друг с другом гребнями и хвостами, порождая

совершенно неожиданные столкновения и турбулентности как во время психоаналитических сессий, так и вне их.

Работая с конкретным пациентом, мое сознание, но преимущественно бессознательное знает о предстоящих сессиях с другими пациентами, чьи процессы в нашем общем мультиинтерсознательном пространстве неизбежно активируются навстречу предстоящим сессиям. Фактически это означает, нравится мне это или нет, что я, проводя конкретную сессию, неизбежно участвую и во всех остальных процессах также.

Волнообразный процесс анализа представлен видимыми гребнями внутри кадра и практически невидимыми хвостами во все остальное время. Соответственно, хвостовая часть процесса с одним пациентом неизбежно проникнет сквозь границу, очерченную кадром, в пространство между двумя пациентами и далее, сквозь второй кадр на психическую сцену другого пациента. В случае сильно эмоционально нагруженной сессии мы это осознаем. В остальных случаях влияние этих хвостов на другой или другие психоаналитические процессы остается незаметным, но может стать видимым внутри микрокадра. Стремиться к тому, чтобы избежать подобного влияния, можно, но это будет такая же иллюзия, как сказать себе, что у меня нет бессознательного.

Мой акцент на квантовом волновом измерении кадра ни в малейшей степени не обесценивает фундаментальную значимость четко очерченной, корпускулярной рамки кадра в классическом измерении. «Дву-смысленность», классическая и квантовая суть психоаналитического кадра, – это две неизбежно конфликтующие и вызывающие турбулентность в микрокадре, но совершенно неразрывные составляющие психоаналитического кадра, обеспечивающие развитие психоаналитического процесса.

Кадр неизбежно становится квантовым изменчивым иным, но одновременно остается классическим и неизменным, важнейшей константой анализа.

Мы пытаемся строго удерживать время и пространство в классическом измерении, четко их зафиксировав («волна замри») для того, чтобы внутри этого кадра жило и буйствовало квантовое бессознательное, чтобы ухватить его хотя бы на время, дать ему «реальное» классическое измерение, чтобы была возможность осмыслить происходящее.

Чтобы погружаться в квантовые глубины внутреннего мира, нам нужна классическая почва под ногами. Горы должны быть не только иными, квантовыми, но и, одновременно, оставаться классическими неизменными горами, чтобы монах мог терять идентичность и вновь обретать ее, уже «дву-смысленную», квантовую и классическую.

Психоанализ может состояться, только если в ходе процесса *психоаналитический кадр будет терять свою классическую неизменную суть и обретать для аналитика живую и конфликтную дву-смысленную «кожу».*

5. Первосцена, внутренний и внешний психоаналитический кадр

Казалось бы, какое отношение имеет первосцена к кадру? Способность аналитика сохранять внешний кадр и быть чувствительным к изменениям внутри микрокадра зависит не только от его способности чувствовать, ощущать, наблюдать, улавливать элементы невидимого, скрывающегося за видимым психическим материалом. Это также напрямую зависит от его внутреннего кадра (*Parsons, 2007*) и его способности принимать внешние и внутренние ограничения без потери контакта с бессознательным.

Психоаналитический кадр (рамка) – это определенные ограничения во времени и пространстве, внутри которых происходит фантазийная жизнь интертрансферентного бессознательного, ее наблюдение и аналитическое осмысливание.

Наша психоаналитическая работа фактически представляет собой одновременную игру на психической сцене вместе с пациентом; проживание вместе с ним посредством нашей бессознательной эмпатии отцовско-материнско-детских драм; наблюдение за всем этим из зрительного зала, осмысливая и переосмысливая происходящее на сцене, находя скрытые связи, обнаруживая еле видимое, чувствуя присутствие или отсутствие невидимого – того, что должно было бы быть на сцене, но по каким-то причинам отсутствует или прячется в темноте; и, наконец, контроль за соблюдением и сохранением психоаналитического кадра. Проживание чего-то эмоционально заряженного, непонятного, таинственного (чужая душа – всегда потемки), наблюдение за этим и принятие временных и пространственных ограничений.

Разве проживание первосцены в фантазийном пространстве ребенка не является одним из важнейших прототипов психоаналитической работы? Когда за условными закрытыми дверями родительской спальни происходит нечто таинственное, что одновременно эмоционально возбуждает и фрустрирует ребенка, делая невыносимым его одиночество в своей кровати. Родительская пара существует без него, таинство его рождения происходило и происходит без него, они вместе, а он один, их объединяет то, что ему недоступно. Невыносимое возбуждение и одиночество подталкивает ребенка к физическим действиям – ворваться в спальню к родителям, залезть в кровать между ними, разделить их и, одновременно, объединить их вокруг себя как центра семейной вселенной.

Этот «взрыв» ночного кадра, атаки на него, как правило, приводят к усилению ограничений и запрету на физическое проникновение в спальню. Ребенок должен принять ограничения – кадр, установленный отцом, успокоиться и уснуть в одиночестве. Если его апелляции к матери не принесут результата, он будет вынужден смириться с ограничениями. Но именно этот ночной кадр и приводит к появлению психической первосцены. Будучи неспособным прорваться в спальню физически, он проникает в нее своим любопытством – фантазийно. Посредством своих

фантазий он оказывается одновременно как в самом центре первосцены, так и вне нее, наблюдая за ней со стороны.

Захватывающие, манящие, в одно и то же время ужасающие и перевозбуждающие фантазии о первосцене становятся совершенно непереносимыми вследствие невозможности принять интимное сосуществование отца и матери, одновременной идентификации с обоими родительскими объектами. Пробуждающийся эдипов конфликт вносит свои коррективы в психическую бисексуальность ребенка (его желание быть и отцом, и матерью в одно и то же время). Происходящий выбор того или иного родительского объекта приводит к развитию соответствующей сексуальной идентичности, ценой вытеснения противоположной.

Во время личного анализа будущий аналитик фактически проделывает обратную психическую работу. Чтобы иметь возможность принимать и отцовские, и материнские проекции пациента, принять существование отца и матери вместе в их неразрывной взаимосвязи в первосцене, он должен вернуть себе способность быть психически бисексуальным, сохраняя при этом свою сексуальную идентичность. Я мог бы сказать, что последняя сохраняется в классическом реальном измерении, в то время как в квантовом измерении он вновь получает доступ к своей утерянной в детстве психической бисексуальности с ее одновременными отцовскими и материнскими фантазиями.

Это достигается не путем регресса к тем самым инфантильным переживаниям первосцены. Это как раз только самое начало долгой психоаналитической работы с ними, результатом которой становится появление постэдипова Сверх-Я и постэдипова Я. Последние как раз и дают человеку, достаточно хорошо прошедшему анализ, возможность принимать кадр и ограничения первосцены без его обжигающей невыносимости и желания вырваться из него, без необходимости устранения одной из родительских фигур в первосцене.

Во внешней реальности это признание и полное принятие происходящей за закрытыми дверями интимной жизни как своих родителей, так и родителей своих пациентов. Во внутренней – обретение постэдиповой способности проживать вместе с пациентом различные фантазийные драмы интертрансферентных психически бисексуальных первосцен, в которых многомерно и нелинейно переплетены всевозможные отцовские и материнские объекты. Другими словами, обретение той самой искомой способности проживать все перипетии первосцены на аналитической сцене с одновременным наблюдением за всей полнотой картины, рефлексией и переосмыслением, а главное – внутренним временным и пространственным контролем за происходящим на сцене и вне ее, чтобы психические переживания не спровоцировали разного рода отыгрышания, уже физические выходы из внешнего кадра. Этот внутренний кадр, базирующийся на постэдиповом принятии первосцены, на постэдиповых Сверх-Я и Я, позволяет аналитику отслеживать изменения в переходном пространстве между внутренним и внешним, квантовым и классическим – а именно в микрокадре. Последнее способствует поддержанию и сохранению внешнего кадра психоаналитического процесса.

И наоборот, нарушение внутреннего кадра первосцены, его перекося в сторону тех или других родительских объектов, будет приводить или к стабильному и неизменному кадру как результату бессознательного сговора аналитика и пациента не прикасаться к первосцене, или к тем или иным нарушениям кадра, атакам на кадр, отыгрываниям.

Внутренний кадр помогает аналитику осознавать то, что происходит в микрокадре и тем самым поддерживать и сохранять внешний кадр. Этот постэдиповый внутренний кадр невозможно установить раз и навсегда, он всегда продолжает быть принципиально и неизбежно эдипово-конфликтным, сколько бы лет хорошего анализа мы ни прошли. В противном случае нам пришлось бы предположить, что эдипов конфликт может быть окончательно и полностью проработан и разрешен, что означало бы, что результатом анализа было бы исчезновение бессознательного.

В ходе анализа пациент своими переносами выбивает нас из относительно устойчивого внутреннего постэдипова состояния, побуждая нас принять его материнские или отцовские проекции и проживать соответствующий контрперенос. Можно об этом сказать точнее, используя меткую метафору Треурнита, который остроумно утверждает, что «аналитик втягивается в мир внутренних объектов своего пациента аффективным лассо и что он должен что-то делать с этим миром, затрагивая как психическое равновесие пациента, так и свое собственное, если он хочет добиться хоть какого-то терапевтического эффекта» (*Treurniet, 1993*).

Я бы описал происходящий процесс еще одним способом. Наше постэдипово психоаналитическое Я позволяет нашему любопытному инфантильному Я прорвать «нарисованный очаг папы Карло» и оказаться полностью вовлеченным в происходящее на множестве сцен нашего совместного с пациентом театра интерпереноса.

При этом постаналитическое рефлексивное Я, сидящее в зрительном зале, стремится увидеть, осмыслить, обнаружить скрытые связи, параллели, противоречия, присутствующее и отсутствующее, видимое и невидимое, сохраняя внимание ко всем аспектам первосцены. Постэдипово Сверх-Я в это время следит за внутренним и внешним кадром.

Нарушение в результате игры интерпереноса постэдипового внутреннего кадра с его относительно устойчивым балансом первосцены, то есть одновременным присутствием и взаимодействием как отцовских, так и материнских объектов, приводит к исчезновению пары и доминированию на психической сцене только одного родительского объекта. Мы можем отследить это по турбулентности внутри микрокадра, еще задолго до того, как она превратится в нарушение кадра или атаки на него. Восстанавливая баланс первосцены в своем внутреннем кадре, мы становимся способными поддерживать баланс в микрокадре и сохранять внешний кадр, без потери «первосцены» интерпереноса.

Трансферентные атаки пациента на наш внутренний кадр происходят все время, что означает, что нам непрерывно приходится проводить постоянную работу и восстанавливать свою способность принимать первосцену интерпереноса и видеть ее в ее самых разнообразных многомерных проявлениях. Постоянная работа по поддержанию внутреннего

кадра – это непрерывная проработка внутреннего эдипова конфликта и восстановление баланса внутренней первосцены во всей ее полноте.

Если, например, на авансцене разворачивается детско-материнская игра переноса и контрпереноса, то наша способность увидеть «невидимые» отцовские фигуры прямо зависит от того, как мы проработали в своем личном анализе свой собственный эдипов конфликт. Сохраняющаяся невыносимость первосцены может заставлять нас шаг за шагом незаметно для самих себя делать выбор в пользу только одного из двух переносов-контрпереносов – или материнского, или отцовского, в зависимости от того или иного результата проработки нашего эдипова конфликта.

Постэдипово Сверх-Я, основанное на достаточно хорошем разрешении эдипова конфликта, признает и разрешает существование первосцены – одновременное сосуществование, взаимодействие и сложное «переплетение» отцовского и материнского на одной психической сцене вместе с психоаналитическим Я, наблюдающим за этой игрой со стороны.

Наше с самого раннего детства наблюдающее (в первую очередь фантазийно) Я в ходе собственного анализа обретает способность становиться рефлексивно-аналитическим наблюдающим Я, сохраняя одновременно и инфантильное наблюдающее Я, благодаря которому мы можем эмпатически проживать вместе с пациентом его собственные первосцены. Проваливаясь во внутреннее отреагирование, мы играем совершенно различные роли на множестве сцен многомерного нелинейного театра интерпереноса, но наше рефлексивно наблюдающее аналитическое Я, сидящее в зрительном зале, может обнаружить нас лишь в небольшой части этих сцен.

Если у нас нет достаточного принятия собственной первосцены и, соответственно, собственной психической бисексуальности, то нам может быть сложно не только принять, но даже увидеть одновременную игру различных аспектов мужского и женского, отцовского и материнского как внутри себя, так и у пациента, но главное – в многомерном театре нашего с ним взаимодействия (в интерпереносе).

Все это приводит не только к ограничению количества видимых психических сцен, но иногда к их сведению до одной-единственной, на которой будет разыгрываться только один сценарий с отцовским или материнским переносом-контрпереносом. Может ли аналитик на психических сценах интерпереноса быть одновременно разными отцовскими и материнскими объектами, позволяя себе видеть их совершенно различные переплетения и проникновения во множестве образов первосцены?

Если аналитическое постэдипово Сверх-Я в достаточной степени позволяет существовать внутренней первосцене, принимая тайну скрытого и невидимого интимного взаимодействия отцовских и материнских объектов и неизбежно сохраняющийся при этом конфликт между ними, то аналитик получает возможность не только одновременного бессознательного проживания (что и так происходит практически всегда), но и более глубокого осознания непрерывной игры отцовского и материнского интерпереноса.

Рассмотрим небольшой пример.

Простая относящаяся к сохранению кадра фраза «Вам необходимо оплатить пропущенный сеанс» может вызвать на психоаналитической сцене совершенно различные коллизии.

Убежденность, что ее может сказать нейтрально-доброжелательный аналитик, не имеет ни малейших оснований. Если психоаналитический процесс происходит, то в нем реальный аналитик представляет собой лишь одно из многих действующих лиц.

С одной стороны, мы можем считать, что пациент услышит эту фразу так или иначе, в зависимости от того, кем именно для него в текущем переносе является аналитик. С другой стороны, аналитик всегда сам находится в том или ином контрпереносе, и это соответствующим образом модулирует его высказывание. С третьей стороны, и у пациента, и у аналитика есть не только один видимый план переноса и контрпереноса, но множество других, невидимых. Последние иногда способны значительно влиять на наш тон и скрытый эмоциональный посыл произносимой фразы, изменяя его вплоть до противоположного.

Представим себе, что на тускло освещенной авансцене реальный мужчина-аналитик, сидящий в кресле, что-то говорит реальному пациенту, лежащему на кушетке. Эта фраза мгновенно включает различный свет на множестве других, расположенных в многомерном пространстве сцен.

На одной из них, самой яркой, добрая мать говорит сыну-первокласснику, что он должен выучить урок. Сын при этом точно знает, что беспокоиться не о чем. Мать ему все простит и не будет ни ругать, ни настаивать, если он не сделает то, что она просит.

На другой не такой освещенной сцене мы видим недовольного отца, который с раздражением отчитывает сына-пятиклассника, требуя от него выполнять взятые на себя обязательства.

На третьей он же, подбрасывая вверх трехлетнего сына, кричит ему, что весь мир у его ног и он может повелевать им.

Внезапно громкий крик приковывает наше внимание к другой сцене, где мать дает сыну сильный подзатыльник за то, что он был должен вернуться домой к девяти вечера, а пришел только к полдесятого.

Мы, конечно, понимаем, что таких сцен, свет на которых включается в момент произнесения той или иной фразы, бесконечное множество. Совсем небольшая часть из них влияет на восприятие фразы пациентом на уровне гребня, остальные – на уровне хвостов.

Любые фразы, вопросы, утверждения, намеки, касающиеся кадра (как и всего в анализе), неизбежно провоцируют конфликт на многих уровнях игры переноса и контрпереноса. Этот конфликт в лучшем случае производит ту или иную турбулентность в микрокадре, в худшем – приводит к атакам на кадр и различным отыгрываниям вне кадра.

В приведенном мною примере если в аналитическом процессе начнет доминировать сцена с добрым трансферентным образом матери, то все остальные сцены начнут постепенно затемняться и исчезать из поля видения обоих участников процесса. В результате это приведет к соответствующим нарушениям кадра – отсрочкам и задержкам оплаты, появлению

«объективных» причин не платить за пропущенные сессии, стремлению продлить время сессии при одновременном опоздании на нее, усилению позиции «жертвы» со стороны пациента, поиску понимания и сочувствия со стороны аналитика и т. п.

Если же доминирующей станет сцена с недовольным и раздраженным отцом, то сохранение кадра и оплата пропущенных сессий произойдут ценой подавления (в моей метафоре – уменьшения или практически полного выключения света на остальных сценах) не только ответной агрессии и развития скрытого агрессивного отцовского переноса, но и потери трансферентно-материнского ожидания от аналитика понимания, сопереживания, заботы. Это может привести к другим нарушениям кадра – скрытым атакам на кадр, упрямому саботированию процесса, отыгрыванию агрессии вовне.

При произнесении любой фразы, относящейся к кадру, трансферентный конфликт между отцовским объектом, требующим поддержания правил, и материнским понимающим, эмпатическим, сопереживающим и «входящим в положение» абсолютно неизбежен и задан самой динамикой аналитического процесса.

Если аналитик, в силу той или иной проработанности собственной первосцены, не готов проживать одновременно различные отцовские и материнские контртрансферентные переживания, быть в то же самое время и отцом, и матерью для своего пациента, ощущая и проживая разворачивающиеся конфликты в границах микрокадра и в целом вокруг психоаналитического кадра, то это будет приводить к тем или иным уже видимым отыгрываниям.

Секрет сохранения кадра заключается не в поддержании всеми силами его постоянства, стабильности и неизменности, а в признании его неизбежной конфликтности и изменчивости, вызванной первосценой интерпереноса – взаимодействием множества отцовских и материнских переносов и контрпереносов. Это признание даст возможность аналитику быть максимально чувствительным к одновременным проявлениям последних, в первую очередь в границах микрокадра, что позволит прорабатывать конфликты, не дожидаясь «видимого штормового предупреждения». Главная психоаналитическая «константа» также имеет не только ясную и четкую «корпускулярную» природу, но и волновую, изменчивую. Важно, чтобы ее колебание происходило в рамках микрокадра, иногда немного выплескиваясь и за него, но не приводя к значительным отыгрываниям и разрушениям кадра. Сохранение постэдиповой аналитической позиции в решении этой задачи критически важно, так как без проработки одновременно существующих отцовских и материнских интерпереносов проблему сохранения и поддержания кадра не разрешить. Установив кадр только на одной из сцен, мы рискуем не заметить, как происходящее на других сценах полностью выйдет за пределы кадра, установленного нами для одной кажущейся нам главной сцены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989.
2. *Россохин А.В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010. 304 с.
3. *Россохин А.В.* Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1. Вып. 1. С. 5–51.
4. *Bleger J.* *Psychanalyse du cadre psychanalytique. Crise, Rupture et dépassement*, Dunod, 1979.
5. *Defontaine J.* (1991) *Le cadre à fleur de peau Le cadre utilisé comme défense contre la douleur psychique.* *Revue française de psychanalyse* 55: 997-1003.
6. *Geltner P.* (2019) *Emotional Communication and the Unconscious in the Analytic Setting.* *Psychoanalytic Inquiry* 39: 213–223.
7. *Green A.* (1974) *L'analyste, la symbolisation et l'absence dans le cadre analytique: à propos des changements dans la pratique et l'expérience analytiques.* *Revue française de psychanalyse* 38: 1191–1230.
8. *Israël P.* (1984) *Le cadre et la parole.* *Revue française de psychanalyse* 48: 1351–1361.
9. *Khan M.R.* (1960) *Regression and Integration in the Analytic Setting—A Clinical Essay on the Transference and Counter-Transference Aspects of These Phenomena.* *International Journal of Psychoanalysis* 41: 130–146.
10. *Parsons M.* (2007) *Raiding the Inarticulate: The Internal Analytic Setting and Listening Beyond Countertransference.* *International Journal of Psychoanalysis* 88: 1441–1456.
11. *Puget J.* (2006) *The Use of the Past and the Present in the Clinical Setting: Pasts and Presents 1.* *International Journal of Psychoanalysis* 87: 1691–1707.
12. *Quagelli L. & Solano P.* (2016) *On Interpretative Experiences: Unconscious-to-Unconscious Communication through Reverie, Language, and the Setting.* *Psychoanalytic Review* 103: 169–198.
13. *Quinodoz D.* (1992) *The Psychoanalytic Setting as the Instrument of the Container Function.* *International Journal of Psychoanalysis* 73: 627–635.
14. *Steiner J.* (2006) *Interpretative Enactments and the Analytic Setting.* *International Journal of Psychoanalysis* 87: 315–320.
15. *Treurniet N.* *What is psychoanalysis now.* *International Journal of Psychoanalysis* 74, pp. 873–891, 1993.

The changeable permanence of the psychoanalytic setting

A.V. Rossokhin

Rossokhin Andrey Vladimirovich, Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis, the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

The article discusses the classical and quantum approach to the study of the setting in psychoanalysis. The concept of a microsetting describing what happens at the boundaries of a psychoanalytic session is introduced. The author explores the permanently existing temporal and spatial turbulence within the microsetting, in particular the continuous change in the physical distance between the patient and the analyst. The process of transition from one microsetting to another at the end of a session with one patient and the beginning with the next is considered.

The "double meaning" of the psychoanalytic setting is described, its classical and quantum essence consists of imminently conflicting and causing turbulence in the microsetting, but completely inseparable components of the psychoanalytic setting that ensure the development of the psychoanalytic process. In the psychoanalytic process, the setting inevitably becomes a quantum variable otherness, but at the same time remains classical and persistent, the most important constant of analysis. The author argues that psychoanalysis can take place only if, during the psychoanalytic process, the setting loses for the analyst its classical unchanging essence and acquires a living and conflictual "double meaning skin".

The article analyzes the analyst's internal setting, based on the post-oedipal acceptance of the primal scene, which allows the analyst to track changes in the microsetting. The latter contributes to the maintenance and retention of the external setting of the psychoanalytic process. The preservation of the post-oedipal analytical position is critical, since the problem of retention and maintaining the setting cannot be solved without working through simultaneously existing paternal and maternal components of intertransference.

Keywords: psychoanalysis, quantum psychoanalysis, psychoanalytic process, setting, cadre, microcadre, microsetting, internal cadre, external cadre, time, space, transference, countertransference, intertransference, primal scene, post-oedipal super-ego, acting out, acting in, micro-acting out, micro-acting in.